

М121-01-Р-Д 08 07.14 20:56

Марат Багаутдинов

Удары

50 АММ / 0 01.05.25 П.А.А.

**Ижевск
2016**

Марат Багаутдинов

Цары

Ижевск, 2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5
Б 14

Марат Багаутдинов
Б 14 Удары. – Ижевск: Шелест, 2016. – 92 с.

ISBN 978-5-906027-41-2

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5

ISBN 978-5-906027-41-2

© Багаутдинов. М., 2016
© Издательство «Шелест», 2016

Диагностическая поэтика Марата Багаутдинова

«Диагностическая поэтика» - так объемно и точно отозвалась о стихах Марата Багаутдинова ижевская журналистка Анжела Мази. Причем, в радиопередаче о ранних стихах поэта, который дебютировал в журнале «Луч» в 2005 году.

Это определение кажется исключительно удачным не только в том смысле, что Марат Расимович Багаутдинов по профессии –врач-психиатр (о чем читатель легко догадается по его стихам), но и в том, что как человек он обладает исключительно пронизательным зрением, направленным на себя, на других людей, на окружающую действительность.

«Удары» – первый сборник отнюдь не начинающего автора, неоднократного победителя различных литературных конкурсов и слэмов общероссийского масштаба, создателя текстов для музыкальной группы «Обманы Зрения». И в него включены далеко не все стихи, что объясняется исключительной щепетильностью Марата в вопросах содержания и формы – многое поэт не просто самокритично отверг, более того – беспощадно уничтожил.

Нам еще повезло, что он более или менее милосердно поступил со своим ранним творчеством (конечно, весьма избирательно), которое привлекательно ироническим, добродушным, парадоксально-каламбурным стилем мышления, обаятельным интеллектом и уже сложившимся гуманистическим принципом отношения к человеку – пусть неудачливому в жизни, «больному на всю голову», падшему... Однако Багаутдинов чутко ощущает грань между патологией и индивидуальными особенностями человеческого поведения,

у него достаточно широкие представления о норме: социальной, этической, эстетической etc, при всем том, что он ясно сознает, что такое «нравственный императив».

Зрелые стихи поэта отличаются бесстрашным проникновением в «запретнейшие зоны естества», если воспользоваться поэтической формулой Ахматовой. Физическая и душевная боль, старость, одиночество, смерть и то, что после смерти – вот далеко не весь диапазон представленной поэтической рефлексии. И не относительно себя. А относительно случайной старушки, засмотревшейся на «чудо» современной цивилизации – визуальную рекламу; пациентки со сломанными ребрами, детей без детства, мертвой собаки, котенка, истекающего кровью, зажатого в неумелых, но «добрых» руках пожилой женщины... И даже не скажешь, кого больше жалко – котенка или женщину, пытающуюся спасти себя от одиночества заботой о живом существе... Видимо, для нее это непривычно... Впрочем, пусть у них, действительно, «все будет хорошо». Будет. Иначе не было бы в тексте этого рефрена («Хвост из пакета»).

Поразительно органично сочетаются в художественном мышлении автора рационально-эмпирическое и иррациональное начала. Последнее проявляет себя в некоем неизменном мистическом компоненте, ощущаемом поэтом даже на уровне ударов собственного сердца. Отсюда и черты закликательной поэтики («Не покупай своим детям кукол с большими глазами...»), приметы («Разговор кошки и дворника»), искренняя убежденность в том, что то, что жило, не умирает, при полном понимании того, что, как правило, случается как раз наоборот: живое умирает именно потому, что оно живое. Поэтому даже труп имеет право на «веселье» - не все же ему «лежать и пахнуть»... («Тук-тук»).

Больно, страшно, нестерпимо жалко... смешно.

А что, кроме смеха, можно противопоставить смерти? Не случайно в инфермальном пространстве художественной реальности Багаутдинова промелькнула *живая* тень Гоголя...

Как сказал Андрей Тавров: «Хорошая поэзия – это та, которая сама наносит рану и сама ее излечивает. Это такой опыт, который другими словами не передать – иначе он бы другими словами передавался». Я нашла эту цитату в высказывании ижевского поэта Александра Митрякова по поводу рассуждений на тему «смерти жанра» в современной литературе и сразу вспомнила стихи Марата Багаутдинова, где поэт и врач не просто продуктивно дополняют друг друга, а представляют собой одно эстетическое и психологическое целое. Это во-первых. А во-вторых, даже в самых «страшных» поэтических этюдах сборника «Удары» всегда есть катарсический элемент, обеспеченный гуманистической позицией автора, что позволяет в них обнаружить «память жанра» античной трагедии.

д.ф.н., профессор М.В. Серова

Intro

Я начал слышать свое сердце, когда мне было лет восемь. Сначала меня это не беспокоило. Потом даже понравилось, я просыпался под его стук, весь день я ощущал жизнь каждой клеткой своего тела. Засыпал спокойно, как под размеренное тиканье часов. Через некоторое время биение стало раздражать меня. Я перерыл гору медицинской литературы, обследовался у всех возможных врачей, но никакой патологии сердца у меня не выявили, и волнение мое усилилось. Сейчас я живу только во время систолы. От предыдущей до следующей мое сознание будто отключается. А вдруг следующей не будет? А вдруг, уже прошедшая, - была последней? И как только мысли успевают проноситься так быстро? Потом наступает счастье. Мое сердце сжимается, и нет в этот момент никого счастливее меня на целом свете. Более того, кажется, что каждое сокращение – особенное, неповторимое, я даже стал ассоциировать их с событиями моей жизни. Я чувствую, как по отдельности сокращаются предсердия, а потом желудочки. Это страшно, и... невероятно. Я могу не есть и не спать - жду каждого следующего удара... Вот я говорю вам это, а оно... ОНО НЕ БЬЕТСЯ!

I ДИАСТОЛА

Не покупай своим детям кукол с большими глазами –
Они страшные.
Не верь кукловодам.
Не пей с кукловодом.
Не разговаривай, если смотришь на воду.
Человек умирает один раз.
Кукла – существо многоразового использования.
Не выбрасывай волосы из своей руки.
Ни о чем не думай, завязывая узелки.
Если кто на тебя охотится – не беги -
Помоги ему.
Никогда не получай писем в конвертах без обратного адреса.
Никогда не открывай писем в конвертах без обратного адреса.
Никогда не читай писем из конвертов без обратного адреса.
Дурак.
Не понимай того, что в них написано.
Не верь в то, что ты понимаешь.

Темнота. Темнота. Темнота. Темнота. Темнота.
Если чего-то боишься, – заведи кота.
Если ангел-хранитель по-прежнему слеп и глух –
Заведи двух.

абракадабра

Я выдавлю всем твоим куклам глаза
Разорву узелки – заебешься вязать.
Я покажу тебе, где у тебя тормоза

Все равно будет так, как написано на роду.
Пользуйся – я отсылаю тебе обратно твою беду.
Я же знаю твой адрес, я даже новый конверт найду

абракадабра

Яркий свет пытается пробиться
Сквозь одежду – самый яркий свет.
Человек с глазами лемурийца,
Где ты шлялся двадцать тысяч лет?

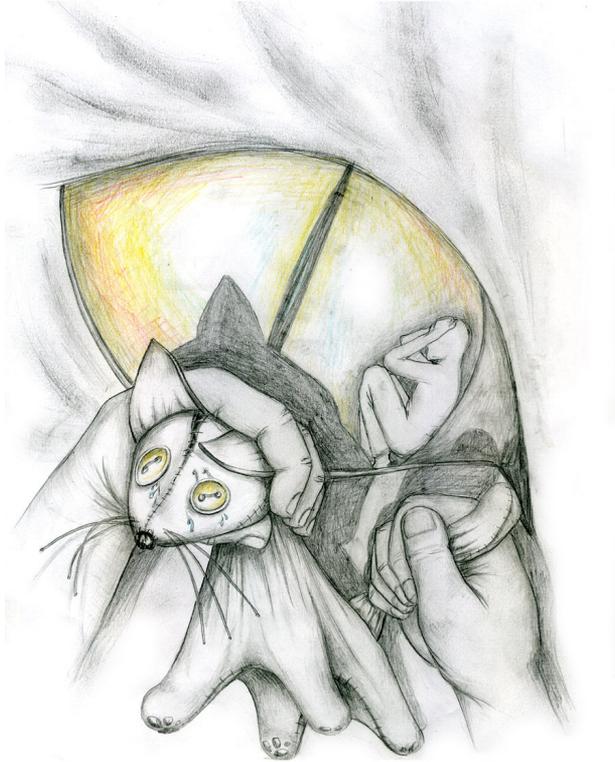

В терпеливую землю-броню
Я тебя похороню-схороню.
Буду горе поливать-поливать,
Будешь, горе, проращать-проращать.
Как созреешь, – попадешь под косу.
Я тебя за три земли унесу.
На базаре уступлю-уступлю.
Добрым людям порублю – по рублю.
Ух ты, горе мое горе,
Горе горькое такое,
Горе вязкое такое,
Убирайся за три моря...

Дети, дети, не бейте кошку,
У нее же такие уши.
У нее же глаза такие,
Глубже ваших во много раз.
Без причины и понарошку,
Беспощадное детство душит.
По природе совсем не злые.
Это было с любым из нас.
Выбор дела по настроению:
Для мальчишки – играть в войнушки,
Для девчонки – вскрывать матрешку.
Так бывало и будет впредь.
Только память нависнет тенью
Безнадежно живой игрушки.
Ну же, дети. Убейте кошку,
Чтоб об этом потом жалеть.

Мальчик вырос.
Мальчику двадцать лет.
У него ни гроша за душою нет.
Прирастают песни к его ушам.
Посмотри – глаза поменяли цвет.
И мышино-серая в них душа.

Убоги и однобоки
Бьют по спине упреки.

Мальчик вырос.
Вот и двадцать один.
Уберите воздух – есть никотин.
Уберите землю – есть алкоголь.
Безымянный, новый, слепой кретин -
Человек-собака-логин-пароль.

Да ты подойди, не трусь.
Я тоже тебя боюсь.

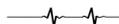
Мальчик вырос.
Мальчику двадцать два
У него в карманах слова, слова...
В рюкзаке скучает печальный Гроф,
Постоянно курящая голова.
И мертвы герои его стихов.

Табурет. Потолок
Раз венук. Два венук.

Мальчик вырос.
Мальчику двадцать три.
Разобрался, что у людей внутри.
Есть на то бумага, на ней - печать.
Но пока не поздно - следи, смотри –
С этим странным типом пора кончать.

Этот текст - откровенный бред
Про меня здесь и строчки нет.

Мальчик вырос.
Двадцать какой-то год.
Отпустил и бороду и живот.
Открывает двери всегда ногой.
От того отеки, да обувь жмет.
И кому он нужен теперь такой

Никого счастливее мишки кажется машеньке он мил
Кажется он готов ждать ее до самого эпилога
Кто-то каждое утро пил молоко из моей кружки и разбил
Теперь я пью из другой кружки у меня их много
Мишка тщательно гримирует лицо машенька часто бьет
Ни одной мысли не водится в рубцующейся голове
Кто-то каждую ночь спал на моей кровати и сломал ее
Я теперь сплю на другой кровати у меня их две
Машенька спилась и повесилась мишка зовет гостей
Слышали говорят перед смертью машенька залетела
Кто-то каждый день разводил мою жизнь своей
Что мне теперь делать?

В бесконечность уходят худые и бледные ноги
В ожиданье порока стремятся за новый порог
Одинока и я одинок значит мы одиноки
Это лучше чем ты одинока и я одинок
Между строк между ног односложно и однообразно
После нас не устанут замаливать наши грехи
А давай одинокая сделаем маленький праздник
Почитаем друг другу стихи.

Я практически дом но никто во мне не живет
Приходят квартиранты уходят чаще нагадив.
Выплывай потом из себя мусор который год
Стоишь себе и гниешь чего собственно ради
Хозяин мой посмотри на одних подпорках
Только и выстояла но до сих пор обаятельна
Ты полюбишь все мои окна каждую створку
Осязательно.

Новый год
Детский сад
Белки в ряд
Зайцы в ряд
Мальчики-зайчики
Девочки-белочки
Хвостами размахивают и смеются
Кто-то большими хвостами кто-то куцыми
Повырастают белочки
Поразгрызают плевочки
Будут сожительствовать с зайцами
Или с другими белками пальцами
Может быть нарожают вавилов отдыхает уродцев
Им уже в свою очередь выбирать придется
Кем быть

В коробке с карандашами
Заяц с большими ушами
Очень тяжелая крышка
Никак не поднять зайчишке

Ты лежишь, как улитка без домика
Полупрозрачная телом
В невесомой своей реальности
Белой-белой
Никому не показывай свою слабость
Слабак
Если ты захочешь
Все будет именно так
Как ты хочешь
Главное не испугаться
Узнать
Простить

Что все вышло совсем не так
Как должно было быть

Если ты захочешь
Фениксом станет любой Евклид
Родит Лобачевского
После того как сгорит

Проигранный день как последний и главный бой.
Дальше темно да куда уж темней и глуше
Хотя бы минуту будь честным перед собой
Ты же себе пусть в эту минуту
Нужен

Новый день
приносит неудачу,
Новый год задушит
бородой...
Отчего
тот сумасшедший плачет?
У него сегодня
выходной...
Надоев друзьям
нелепым бредом,
в результате
малость подобрев,
он живет
от праздника Победы
до четвертых суток
в сентябре...
Жизнь приходит чаще
темной ночью,
криками
не страха
в темноте.
Ему снится,
как он приколочен
к дорогой кладбищенской
плите.
На щеках
дорожки мокрых линий
слезы

оставляют за собой...

Это просто

бешеная

Иня

омывает грязною

водой.

Расстоянья/

Мысли/

Пересуды...

Вновь богиня

Пустит на постой

И подаст

Безмолвие на блюде...

Как поступим

С этой пустотой?

Значит, будем в игры играть.

Раз-два. Выше ноги от земли...

Мальчик бежит за троллейбусом незадача
В школе опять объясняться и это значит
Снова вливаться в класс на глазах у всех
Слышать внутри головы беспощадный смех
Видеть внутри себя беспощадный вид
На повороте водитель затормозит
Мальчик глядит в окно за окном вода
Это останется в памяти навсегда

Она упокоит себя на морковной грядке
Не пьет не гуляет с паспортом все в порядке
Он каждую ночь засыпает в ее плечо
Рыхлое и пологое ну и чё
Скоро родится сын назовут арсений
Будет стихи писать как сергей есенин
Тот что на первом канале играл в кино
Надо коляску кроватку игрушку но
Надо к семи справить велосипед
Чтобы случайно не вздернулся в тридцать лет

Прошлое грешно будущее тревожно
Смерть неизбежна и потому возможна
Жизнь беспричинна и потому бывает
К месту не к месту кто-нибудь умирает

Бабушка не расскажет в вечерней сказке
Как под бинтами руки и рвутся вязки
Как неудачник-врач после смены плачет

Это вообще ничего (ничего) не значит
Мальчик глядит в окно, он пока не знает
Жизнь это если кто-нибудь умирает

Жизнь происходит быстро и даже странно
Мальчик не сел в троллейбус не стал отцом
Я упиваюсь жизнью на дне стакана
Вижу его лицо.

/Оле/

В доме из горького черного шоколада
С розочками в ногах и луной в груди
Что же ты, милая, так безутешно рада
Если конец позади

Папа купил к рождению белое платье
Спутник Земли с землей обнаружил связь
Доктор назначил таблетки со дня зачатия
Чтобы не родилась

Вот тебе жизнь – поломана покалечена
Для обретения вкуса требует соль
Черные полосы кажутся бесконечными
Если двигаться вдоль

Канатоходец

Запутываясь в нитях равновесий,
Канатоходец, выбившись из сил,
Под купол цирковой себя повесил.
Весь мир в ногах, как обувь, – износил.

Глядит вперед, как будто не боится,
Канат как будто соткан из свобод.
А зрители, размазав страх по лицам,
Синхронно ждут, когда он упадет.
Факир сожрал почтовых голубей...
Ребенок запускает самолетик...
Бумажный, самый прочный самолетик.

«Прости бумагу – не стерпелось ей.
Распотроши очередную высь...
Но не сорвись. Ты только не сорвись.
Вниз не смотри, глаза не закрывай.
Тех, кто сорвется – не пускают в рай.
Ты подожди, я подрасту – потом
На радость всем – мы вместе упадем».

Тук-тук
Тук-тук
А ведь чей-то муж.
И, может быть, чей-то друг.
Так вот жил-поживал,
Дышал... А потом не дышал.
И вот – все, что жизнью воздано –
Бирка на ногу – «неопознанный».

А они такие красивые, такие белые.
А они такие милые, такие несмелые.
И на лицах всегда одинаково – недоумение.
Мол, совсем и не так представляли себе спасение.
Но они – такие красивые. Такие белые.
Так и хочется подойти – спросить, что они тут делают.

А хочешь, покатаю тебя по коридору, пока никого нет.
Вон – на лестнице свет.

Прямо все для тебя - и тоннель и свет
От горла и до паха весь рас/паханный, пере/паханный.
Зато теперь у тебя всего две заботы – лежи да пахни.
Говорят, все дороги ведут... Точно! Рим – это здесь.
А остальное... Отче наш сущий, ... даждь нам днесь...

Он тоже был маленьким и таскал медведя за лапу.
Вниз головой, не боясь плюшевого покалечить.
Мама учила: ему же больно. А если тебя бы...
Он теперь санитар, он хватается за ноги человечьи.

Со стороны вообще куклой перевернутой грезится,
С одной лишь разницей – человек тяжел и упруг,
Подбородком/затылком стуча по ступеням лестницы –
Тук-тук.
Тук-тук.

Всегда снится ему один и тот же сон.
Будто бы он – Харон.
Но каждую ночь Лета все мельче и уже.
И вот уже можно в брод.
Все бегут обратно,
Кричат, что он им больше не нужен...
Он просыпается.
Плачет.
Кому-то же нужен он...

Пока верещат циничные холодильники.
Пока утро не устанет кричать голосом будильника.
Вставай – живи и пахни – чей-то сын, чей-то внук.
И тук-тук.
Тук-тук.
Тук-тук.

на заброшенном теле заводятся шрамы,
на спине и на пятках цветут васильки
ты не плачь и не бойся, касаясь упрямой,
недвижимой и страшной, холодной руки.
добавляя в коллекцию календари
в этом мире большом от окна до двери
всей душой полюби не болящие раны
и диагноз с подстрочником жизнь удалась
мы станцуем еще в позах вернике-мана
и медсестры на склянках сыграют нам вальс

Зачем отбираешь грубо так оголтело,
Самых любимых таких молодых красивых?
Смотрите там кино, понятное дело.
Пьете, наверное, с облачной пеной пиво.
Здесь тоже кинотеатры и кабаки!
И пиво, я полагаю, ничуть не хуже.
Но каждую ночь смотрим как дураки
В небо. На всякий случай ни с кем не дружим.

закрывал глаза и на три два раз
вертолет взлетал покидал канзас
улетал туда где никто о нем
в никуда и будет как прежде дом
где башка с утра изнутри суха
и совсем не хочется подыхать

к гудвину очередь дети-страшили-львы
воздух тревожный до рези в глазах соленый
таблетки от храбрости травки от головы
квоты на сердце с покрытием из тефлона
но плавилось что-то что-то горело внутри
когда под снарядами рушился Изумрудный
а он закрывал глаза и на раз два три
он их открывал
всегда получалось

и в чужие лбы как корнями врос
человек у которого нет волос
от того и скалится без конца
человек у которого нет лица
есть одна голова и солома в ней
на руинах города без камней
добрый гудвин смотрит в его глаза
видишь элли это твои глаза

Смейся, Господи...

Люди курят лишь для того, чтоб не сойти с ума.
Чтобы не видеть как пропадают те, кто им дороги.
Эгоисты. Мир дереализован. Вокруг туман
С запахом пороха.
Как же хочется вынести из дома весь сор и хлам.
Как страшно выносить из дома весь сор и хлам.
Как не хочется оставаться в доме, где лишь сор и хлам.

Ты навечно останешься там,
Если никто не решится тебя убить.
Ты никогда не бросишь курить.
Ты никогда не сойдешь с ума.
Полынь... Полынь... Тфу ты! Туман... Туман...

Посмотри – у них в глазах ледяное крошево,
Ощути – их голосами разбавлен яд...
Ты когда-нибудь слушал, о чем говорят прохожие?
Ты прислушайся. Знаешь,
Они о тебе говорят...

А люди по улицам ходят...
В высказываниях последовательны
В поведении упорядочены
Обманов восприятия не выявляют
Жалоб активно не предъявляют
Чувствуют себя хорошо...

Сколько шаров нападало с потолка!!!
Здравствуйте, милый,
Гуманный до слез – приют.
Будем смеяться

Кричать
Танцевать пока...
Эти шары однажды тебя убьют.
Старая женщина гладит мою ладонь.
Смерть, да куда ты лезешь?
А ну, не тронь!
Вот, говорят, душа у нее гниёт.
Вот, говорят, как будто и нет ума.
Если б от равнодушья не впал живот,
Вряд ли б она поела себя сама.
Проще.
Душа – копеечный субпродукт,
Жизнь – скотобойня.
Сегодня опять забой.
Ешь мою душу с живых и горячих рук.
Досыта кушай.
До колики.
Я с тобой.

Господи, как же все вокруг хороши!!!
Сколько шаров в объеме одной души!!!
Господи, что же творится у нас внутри...
Что же ты делаешь, Господи, – посмотри.

А люди все ходят и ходят.....

Раздувшиеся трупы моряков
Напоминают спелые арбузы
Огромные и вкусные арбузы
Напоминают трупы моряков.

Шам-марш, шаммарш!
Все вокруг играют в фарш.

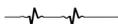
Ать-два-ать-два!
Отлетела голова.
До свиданья, голова...
По уколу – и в дрова.

Вспоминаю вздувшуюся собаку
рядом со станцией метрополитена.
Переступаю через нее. Боюсь, что случайно ногой задену.
Мертвая дура! А сколько людей,
должно быть, обескуражила....

На ней ничего не зажило.
И сейчас, если тоска добирается до предела,
Я иду туда и ищу ее мертвое тело.
Хочу взять на руки,
Отнести подальше,
Засыпать листьями,
Поставить палку...

Больше никого не жалко
А люди по улицам ...

Что ты ходишь своими кривыми ногами
по моему зеркальному полу
Что там у тебя в тарелочке, сука, опять уколы?
Иди ты со своими уколами к черту
Да-да, точно, поставь их Черту
Лучше бы апельсинов мне принесла, старая гнида
Витамины полезны в период раннего постсуицида.
Смотришь вниз на свое отражение - вяленая рыба
Что ты опять приперлась?
Апельсинов принесла...
Ну, спасибо.

А люди все ходят и ходят....

Антонина Павловна врач со стажем
сорок лет на пенсии нипочем
на работу ходит и лечит даже
потому что создана быть врачом

каждый день с утра ее ждет участок
дома сестры кактусы и кровать
но одна сестра что-то ест не часто
и вторая что-то не может встать

покупает капельницы и шприцы
достаёт лекарства а по ночам
убеждает, может, пора в больницу?
Но они отказывают, молчат

постучали в двери ворвались грубо
напоила б чаем да вот беда
надевают маски выносят трупы
и уводят доктора в никуда

Антонина Павловна врач со стажем
В теле слабость мутная голова
плачет... кто же будет теперь ухажи...
может, мама, она же еще жива?

В высказываниях последовательны,
В поведении упорядочены...

Видите у этой женщины слезы?
Еще бы, вас бы на таких-то дозах.
А через пару недель, быть может,

Будет ржать как лошадь.
И будто бы даже не убивали сына,
Единственного, маленького совсем еще сына
Воспитывала одна: ни помощи, ни квартиры
Пока одному /из нас/ не показалось, что стал вампиром
Лежит теперь тоже этажом ниже
Нейролептическим воздухом дышит
Ест те же помои из такой же тары,
Возмущается, когда кричат санитары,
Которых катастрофически мало...

А как было бы, если б на всех хватало.

А люди все ходят и ходят
До тошноты последовательны
До ненависти упорядочены
Вообще ничего не выявляют
Жалоб, сволочи, не предъявляют
Чувствуют себя хорошо...

Если месяц не пить лекарства
Попадешь в тридешатое царство
Станешь радужной несмеяной
Самой грязной и очень пьяной.

Чтоб на все хватало сил
Покупайте коаксил
Феварин феварин
Вместо масла маргарин

Добрый доктор Айболит
Полечи шизофрениит
Мы по фене да по гале

Что-то очень заскучали
Добрый доктор Айболит
Мы без сыпи и без гнид
Положи в свою больницу
Не забудь за нас молиться

В голове и за спиной
Над тобой и надо мной
Голосами
Голосами
Смейся, господи, над нами.

А люди по улицам ходят
В высказываниях последовательны
В поведении упорядочены
Обманов восприятия не выявляют
Жалоб активно не предъявляют
Чувствуют себя хорошо...
Главное, чтобы люди
Чувствовали себя хорошо.

А сегодня у нас выпал снег (да пора уж – ноябрь),
Шарф нашелся бы (несостоятелен курточный ворот),
Кстати, вспомнился сон: я стою одинокий у трапа...
Кто бы знал, как же мне безразличен мой вымокший город.
На шестом этаже обнаружен убитый мужчина.
Я живу на седьмом, и меня не касается вроде.
Мне не важно, кем был он и в чем его смерти причина.
Выхожу на балкон. Удивляюсь отличной погоде.

Не в пример материться, но, боже мой, как заебалю,
На ответы вопросы искать, за компьютером сидя,
Ставить смайлы за строчками (и запивать церукалом),
Говорить: «Благодарен за критику» (и ненавидеть)

Белый свод туалета, как белый халат психиатра.
Стены как в изоляторе. Дабы украсить отсидку,
Повторять тексты умерших песен бессмысленной мантрой,
Отражаясь в квадратах замасленных кафельной плитки.
И увидеть бы свет (пусть оранжевый, как в телефоне),
Пусть на снег, что к утру без следа, вероятно, исчезнет,
Пусть в лицо (пусть которое утром никто и не вспомнит)...
В этом вымокшем городе так непривычно и тесно.

Люди мерзнут не от холода,
Чаще лишь от ощущения
Недостаточности в качестве
Полноценной части общества.
Мы с тобой заметно молоды.
Море лет – просить прощения
За нелепые чужачества,
Ненависть от одиночества.

Выход есть, любой родившийся
Получает право гордое
На убийство теплокровного
И себя (альтернативное)
Нам с тобой, к тоске прижившимся
Осознать неплохо твердое:
Невезение условное
Вызывает позитивное

Бабушка, помнишь, как мы просили солнца, и ты выпекала нам его на огромной старой сковороде? Зачем мазать солныце вареньем? Разве оно может быть не вкусным?

Капот машины страшной змеей украшен.
Когда бы знать, что вправду на смерть увозят...
Ты помнишь, бабушка, детские годы наши?
Ты видишь, бабушка, детские наши слезы?
«На завтрак чай да чаек, на обед — чаище»
На ужин — сказка о том, как живут кометы.
А знаешь, данность тебя безуспешно ищет
Глазами внуков, напрочь лишенных лета
А помнишь, как пугала нас мертвым взглядом.
Порой до суток. Мы же, тебя нашедши,
Вязали банты, красили нос помадой.
Прости нас. Ты была тогда сумасшедшей
Прости нас. Ты была бесконечно мудрой.
Прости нас. За слова и нехватку роста...
Да, кстати, приходи как-нибудь под утро,
С последней грустной сказкой, о том как просто
Хвостом кометным к вечности прикрепиться,
В которой всем хватает любви и чаю...
Пусть будут Богом прокляты те больницы...

А знаешь, бабушка, я по тебе...

Господи, счастья то сколько!!! Господи, сколько счастья.
Думала ли гадала, дура какая, а тут – бац – и счастье.
Или там – бац – и жизнь началась, хотя должна бы заgrabная.
А я тут старуха-старухой стою, даже как-то и неудобно.
А вокруг переглядываются, смеются,
– старая, мол, маразменная.
Бабушка на остановке стояла возле экрана плазменного.
Дура, смеются, рекламы не видела, а у самой, поди, дома кот
Голодный, поди, цветы не политы, – стоит тут, разинув рот.

А она стоит тут, и думает, вот...
А она стоит тут и думает вот, дожидка до такого чуда...
Думает, вот, дожидка до чуда...
Как же я дальше буду?
Точно, завтра пойду к окулисту, поставлю себе хрусталики.
Говорят, ветеранам бесплатно
вставляют новенькие хрусталики.
Поднимусь к соседке, – сидит себе, крот-кротом,
– даже не знает, что март...

Поднялась к соседке,
Накормила кота,
Полила цветы.
А тут - бац – инсульт.
Ну, или там - бац – инфаркт.

Каждый день одна остановка. Думаешь, строишь планы.
Стоишь, дурак-дураком.

Соседка по купе пропахла дошираком
У проводницы сыпь и нос совсем кривой
Мне безразличны все вокзалы и бараки
Я еду навсегда из кирова домой
Я не могу уснуть и кажется не буду
Похмелье и угар летят из котелка
Как будто довели непьющую гертруду
Навязчивый бг свисает с потолка
Давись оно конем давьсь оно плацкартой
Давись оно купе держись оно держись
Молчи не подавай от финиша до старта
Молчи под покрывалом всю большую жизнь
Соседка по купе в наушники дослушав
Какое-то говно отчаянно храпит
А темнота с окна заглывает душу
И от того душа нехило так болит.

Новости часа.
Случилась ужаснейшая трагедия
Что-то разбилось в пути с ленинграда ли в амстердам
Сотни людей выживших нет по ссылкам масс-медиа
Спецборт МЧС несет траур по поселкам и городам
Новости часа.
Все службы срочно мобилизованы
На месте трагедии рыщут скорые ищут еще живых
Ходят слухи кого-то находят чаще парализованных
Чаще поломанных бесперспективных кривых косых
Новости часа.
Только на нашем канале самая свежая правда
Над местом крушения жители видели свет
Спорт культура погода опознание тел на завтра
Кстати
Согласно последним данным погибших нет.

Мыслей – в карат
Лучше нет, однако.
Дай напрокат душу –
Буду плакать.

Девочка, девушка, мать, одинокая женщина,
Словно собака породы варшавская лишняя.
Люди, что были на вечное с нею повенчаны,
Так далеко (да и те не особенно ближние).
Дочка ухожена, жизнью еще не обижена,
Маленький носик не чует, что там, за воротами,
Вне огорода вокруг покосившейся хижины
В полную силу война без оплаты работает.
В двери стучится. Ее не пускают и крестятся.
Бесцеремонно врывается прямо в прихожую.
Бог не опустит волшебную длинную лестницу
Надо бы скрыться хотя бы под тонкою кожей.
Тело, когда-то любимое, стройное, детское,
Мертвое тело поругано и покалечено,
Выброшено за ворота, война не побрезгует.
Кто говорит, что собаки не жрут человечину?
Мир перекошен, разрушен, разложен на атомы,
Замкнут пределами странной бессмысленной смерти, и
Горем забитую мать не исправить заплатами.
Боже, направь апокалипсис, будь милосердием.

Время идет. Сумасшедшая (годы преклонные),
Месяц за месяцем над самодельной могилой
Плакала бабушка, памятью не обделенная:
«Девочка, доченька, доченька, милая, милая...».

А жизнь прошла. За ней пришла другая
Крестов насаев в високосный год.
Мы проживаем. Мы не понимаем,
Покуда что-то не произойдет
Тоска в груди играет на ударных
Бесцельно, аритмично и смешно
Переживаем. Как всегда бездарно
Как будто что-то не произошло

Лежа на подоконнике дремлет жизнь
Рыжее наше солнышко покажись
И не горюй, сбрасывая лучи
Осень из всех делает калачи
Мальчику кот цель задает и рост
Мальчик опять тянет кота за хвост
Не дотянуть, не позабыть увы,
Рядышком две рыжие головы
Держатся друг за друга который год
Мальчик кота за лапу за руку кот
Лежа на подоконнике ждут рассвет
Больше уже не будет и меньше нет

Тяжело понимать бестолковой своей головой
Одинокой своей головой – до чего же постыло
Выходить по утрам биться с горем на передовой
Если враг бесконечен - уже мародерствует с тыла
Мы не сможем ему помешать, мы сидим на мели
И от этого, как ни крути, мы – хорошие люди

Мы не станем другими в холодных объятьях земли...
До свиданья,
Мой друг,
не прощаемся,
свидимся,
будем

Плачет мама, плачет папа
Пол в пробоинах от слез
Жизнь болеет, мерзнут лапы
У нее горячий нос

Ясен взгляд и голос звонок
Все печали ни о чем,
Рыжий маленький котенок
Прыгнул в небо за мячом...

Потерпи еще немножко...

Где-то очень высоко
Солнечная мама-кошка
Кормит Ваську молоком.

Когда умирают кони – дышат
Когда умирают солнца – гаснут
Когда соберусь – буду хрипеть

Кривясь объективом
В каждый новый залив
Прошрое ромом
И от того красив
За объективом
Статуи трешь собой
Уверен
Именно так управлять судьбой
И если наступит беда или что еще
Будешь невидим под дождевым плащом
Будет торчать счастливая голова
Будто в нее стукнуло двадцать два
Градуса
Сутками
Сумеречным зрачком
Навзничь упасть
К тучам лежать ничком
Воздухом отравиться
Пугая птиц
Там
Где нет ни возраста
Ни границ

Впереди невиданные выси,
Добрый образ мужа-старичка,
Факт не/смерти больше не/зависит
От прямой реакции зрачка.

Неудачно, в самом центре лета,
Будущего часа не нашел
Человек. Помянут сигаретой,
Человеку стало хорошо.

Два цветка до следующей даты,
Мертвый взгляд с оттенком серебра.
Два часа по правилам палаты.
Два случайно сломанных ребра.

Страшно, безболезненно и хрупко,
Небеса печальные пока,
Словно с горя вымокшую губку,
Кто-то выжимает облака.

II *СИСТОЛА*

На кухне чайник. Кипит? Кипит.
Да будет утро. Включаю свет.
Штормит. У зеркала хмурый вид.
Ожившим вечером мой привет.
Куриль. Закуривать и тушить.
А может, бросить? И к черту. Вот
Смотрю на улицу. Ни души,
Собаки стаями – крестный ход.
Глаза стеклянны, бетонна клеть,
И всё, что сделал, – ручная кладь.
А люди ласточки, чтоб лететь?
А люди зайньки, чтоб скакать?
А люди будто со всех сторон,
Мороз по коже (и даже здесь).
Температура. Возможно, сон
Еще не вышел из тела весь.
Сегодня холодно. Никогда
Еще так не было. На стекло
Кричать. Смотреть, как течет вода...
Я чайник. Чайник. И мне тепло.

Воняет мандаринами
на кухне.
Напиться, как безмысленная
тварь,
Необходимо.
Мир иначе рухнет.
На опохмел толстенный
календарь.
Кому-то в глаз
нацелены петарды,
Как символ чуда
отморожен
нос,
Где отмечать
(пора смотреть на карту),
С кем встретить –
унизительный вопрос.
Так будут же блаженны
мандарины,
Сиди,
давись шампанскими опять.
И кошки вновь
Нажрутся серпантина
И будет их
По-праздничному
Рвать.

Опять повезло – окатило из лужи –
Все грязные. Кроме меня.
Ну чем же я хуже? Я чем-то же хуже.
Я тоже хочу как свинья...
А мне неуютно, хочу быть похожим –
Возьму и изгажу пальто.
Ну что вы устались? Или на роже
Написано что-то не то?
Да сами вы пьяные. Я, между прочим...
Больной? Ни шиша не больной!
Я даже с похмелья здоровый. Короче,
Идите себе стороной.
А мне хорошо – и трусы по размеру.
И горести по фонарю.
Я с прошлого года варганю карьеру,
А с будущего – не курю...
Но где-то на околоземной орбите,
Одежду суша в небесах,
Предательски курит мой ангел-хранитель
Похмельный. В семейных трусах.

*Скучаем, время не торопя,
И каждый третий – уже отец,
И каждый первый – ушел в себя.
А детство кончилось. Все...*

Я по всем параметрам хуже. Порочный круг
Циферблатов, как ни крути, не порвать, увы.
Мой любимый друг, без тебя я совсем без рук
И без ног. И, пожалуй, даже, без головы.
Високосен, будто диагноз. Давай лечить!
Ну, пойдем! Карусели, горки, по двести грамм...
Психбольнице дарят таблетки ее врачи,
Чтобы меньше плакала, дура. По ним? По нам!
Чтобы ангел сдуру нам показал свой хвост.
По нему бы в небо, если б не с потолка...
Я по всем параметрам – элементарно прост:
Где моя нога? Где моя голова? Рука?
Вот, ищу – от стенки к стенке, назад-вперед,
Циферблаты сигаретами торопя...

*А на грязной кухне скучает наш Новый Год
Пьет вино и молча празднует. Нас? Тебя!*

Я разменивал дни на таблетки и сны,
От которых теперь не сбежать, не уйти,
От которых теперь в моем доме тесны
Коридоры. По праздникам давит в груди.
Дед Мороз, он приходит обычно к другим.
И в мешке его чудо пропахло вином.
Только грохот петарды, шампанского дым
Заставляет загадывать всем существом
Чтобы старая жизнь да на правильный лад.
С новым боем курантов все более ждет...

Я желаю, чтоб время помчалось назад.
Чтобы каждый удар отмотал один год.
До чудесной и, вроде, счастливой поры.
Где никто не стоит над дырявой душой...

Я пойду этой ночью кататься с горы.
Мне же скоро одиннадцать, я же большой.
Забери меня, мама, в наш старенький дом,
Где сегодня не надо ложиться в кровать,
Где красавица-елочка вся серебром
Разгорается. Ей до весны догорать.
До весны не сгореть бы. Дожить до весны.
Антидот неизвестен. Хотя бы запей...
Я разменивал дни на таблетки и сны.
Новый год. Пусть он будет немного теплей.

Печальным ежиком в тумане
Ты ищешь старые маршруты.
Твой мед разлился по закату,
Твоя лошадка далеко.
Туман исполнен ожиданий,
Там детство спряталось как будто,
Где километры сладкой ваты
И время пахнет молоком.
А во дворе всё та же школа,
Но в ней совсем другие дети,
Вокруг совсем другие люди,
Совсем другие города.
Зверька без возраста и пола
За серой дымкой не заметить.
А мы взрослеть уже не будем.
Уже не будем никогда.
Туман развеян. Ты на старте,
На повороте б не разбиться.
Когда-то полная эмоций,
Летит в окно твоя тетрадь.
А детство за разбитой партой
Зубрит букварные страницы.
Оно когда-нибудь вернется.
Его осталось подождать.

Вот сейчас, один миг. Запечочка.
Вижу, вижу. На ножке пальчик.
Поздравляю вас, это девочка.
Хотя нет. Это всё же мальчик.
«Эй, девчонка, какой этаж?» –
слышал дома в гостях и в школе.
Так обидно, до боли аж.
«Я же мальчик, не видно, что ли?»
Подрастал он, и ус не спас,
Всё кому-то казалось мало.
Много пережил. Как-то раз
И цыганка к нему пристала:
«Дай, родная, мне ручку милую,
Мужа выдам тебе на полосы».
Он подумал: «Вот это вилы», –
И с размаху вкатил ей по носу.
Будь что будет. Какой вопрос? –
Результат для него, упертого:
Два ребенка, тупых до слез,
Да жена, лесбиянка чертова.
Вот покрылось лицо морщинами,
Выползали на волю волосы.
Шли прохожие магазинами
И твердили единым голосом:
«Ах, какая смешная бабушка,
Просто боженькин одуванчик», –
А он злобно кидал в них камушком:
«Я же дедушка, в смысле, мальчик».

Приближался смертельный час:
«Жизнь прожил я не слишком здорово.
Надоели. И хрен на вас.
Называйте хоть самкой борова».
Подошла к нему смерть с косой,
С капюшоном прикрытой рожеею,
Что, мол, пялишься? - За тобой,
Собирайся, мол, дочь божия.
Там, где вечно открыта дверь,
Гробовщик не заметил главного.
И лежит наш герой теперь
Под плитой «Антонина Павловна».

Я водяры стопарик грохну,
Чтобы стало совсем тоскливо.
Вот дождетесь – возьму и сдохну,
Весь такой молодой-красивый.
Вот лежу я такой, короче,
Подо мной дребезжит каталка.
Вся холодная, между прочим.
И меня, между прочим, жалко...

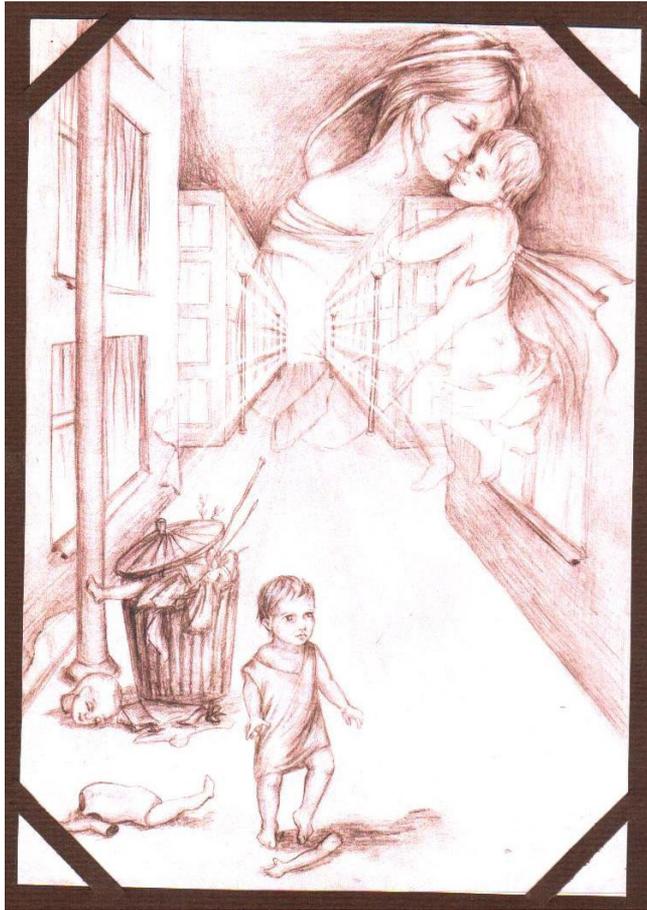

Они уходят иногда,
Поскольку худо.
С условием, что есть куда
И есть откуда.
Не замечают новый бой,
Прибитый к дате,
Их возвращения домой
В другом формате.
Нам надо было быть смелей
В объятьях ванны.
В чем же отличие твоей/
Моей нирваны?
На пару ярко-желтых глаз –
Любви немного.
А кошки понимают нас.
Сказать не могут.
Когда закончится полет,
Начнется кома...
Я, словно благородный кот,
Уйду из дома.

Граждане спят, будто их нет,
В низких кроватях сопят и жмурятся.
Лампочки в ряд, падает свет.
Мертвый ребенок идет по улице.
Мертвый ребенок в окна бьет:
Не открывается дверь тяжелая.
Он не бездельник, не урод,
Полое тело замерзло голое.
Без результатов каждый шаг,
Без рассуждений по типу вправо ли...
Мертвый ребенок лезет в бак.
В мусорный бак, где его оставили.

Солнце, грустное на ощупь,
Муравьев в лучах полощет,
Муравьев на небо тащит,
Липкий воздух коробя.
Проще. Проще... Нужно проще...
Если социально-тощий,
Можно стать ненастоящим –
Фотокарточкой себя.
Засветить себя на пленке,
Осветить себя в иконке,
(Вариант!) закрыться в банке
Или в пьянке (Вариант!)
Насекомых души тонки,
Погибают при возгонке.
Будем кутаться в останки –
Желтый галстук, красный бант –
Мы, похожие на шаржи,
Безразмерно стали старше,
Безусловно, стали лучше –
И попробуй, – раздави.

...По душе, пропахшей фаршем,
Бодрым шагом, стройным маршем
В обезумившие тучи
Собирались муравьи.

Я словно хрен, созревший в огороде,
Среди сурепки, трав и лопухов...
У приверед, у поваров не в моде,
К прополке, как сорняк, всегда готов.
Я вертикален по своей природе.
Сожрать меня, - тебе не по губе.
Я словно хрен, созревший в огороде.
И я стою. Я памятник себе.

Королева пьяна. Попросите каретного.
Королева уснула – больная и вольная.
От поклонов уставшая. Мертвенно-бледная.
По таким уже плакала Первопрестольная.
У таких, как она, не бывает проигранных
Переигранных партий и замков с оковами.
До зачатья ее наказание выбрано –
Очень часто такие рождаются вдовами.
Королева пьяна. Королевство распродано,
Но все крепче любовь, что бессмысленно дарится,
И крепчают напитки в желудках у подданных,
Чтоб не видеть, как их королева состарится.
Тяжесть прожитых дней разбивает короной,
Перепуганный дьявол за волосы вытаскал.
И никто не увидит, как плачет бессонная
В полумрачных покоях общаги на Дмитровской.

...Я хотел бы, чтоб мама была кандидатом наук.
Чтобы дома висело дипломов четырнадцать штук
...Я хотел бы, чтоб мама была фигуристкой в коньках,
Честь России была б в ее мягких, но ловких руках.
...А еще если б мама была музыкальной звездой,
У меня бы просили автограф ее непростой.
...Я хотел бы. Но ладно. Так много, что не перечесть...
Я люблю тебя, мама, такую, какая ты есть...

Пусть стремятся знакомые дамы тебе быть под стать.
Пусть энергия бьет по чужим пересудам без меры.
Продолжай, дорогая, по жизни, как раньше, порхать,
Освещая свой путь красной корочкой пенсионера...

Улыбайся. Это тебе идет.
Не испортит прожитых лет балласт.
Я желаю только земных забот,
А других забот – и господь не даст.

Улыбайся. Сын – никакой герой.
И грубит всё чаще по мелочам.
Он же знает, плачешь тайком порой.
И украдкой молишься по ночам...

Никакой герой – обижаюсь, злюсь...
Иногда и я за тебя молюсь.

Сколько в моих костях накопилось соли...
Ну и спасибо – в землю пока не врос.

Вот и живу – как перекасти-поле
В серых ногах карликовых берез.

Снова несет – в этом моя природа.
Ну же, природа, кости мои разбей...

Все, сколько есть, своих перекастных года
Я посвящаю тебе.

(пародия)

Шел я один, а навстречу – эмо.
Они мне давай про свои проблемы.
Смотри, говорят, - безнадега, слякоть.
Пошли, говорят, вместе с нами плакать.
А я им, эмо
Сидите дома
Ваши проблемы
Мне не знакомы.
В ваши то годы – бухать да плодиться.
Знаете, а я ведь иду... топищца.
И кааак задымятся их атрибуты.
А я вприпрыжку в сторону пруда.
Я круче всякого эмо-боя.
Да я любого... Ух... перенюю!
Я в черных рогах.
Волосатых ногах.
Я в черных ногах.
И уже на рогах.

- Здравствуй, кошка,
 - Здравствуй, дворник.
 - Ты облезла.
 - Ты не лучше.
 - Как твой мартовский любовник?
 - Вечным сном в помойной куче....
- Как твоя супруга Мила?
- Вот, прибил вчера по пьяни.
 - Не любила? Не кормила? Подожди, и легче станет.
 - А давай с тобою, кошка, выпьем с горя и поплачем.
 - Выпьем, дворник, понемножку. Первый будет за удачу,
 - И за женщин по второму. За хвостатых дам с усами.
 - Нами дворники ведомы,
 - Это правда, черт бы с вами.
 - Третий за любовь стандартом.
 - Ты познала?
 - Нет.
 - Я тоже... может, все еще на старте?
 - Может быть, не вышла рожей.
 - Что, пойдем? Пора работать.
 - И меня заждались мыши.

Годы шли. Спивался кто-то,
Кто-то пел на желтой крыше.
Дворник думал, счастье – это
Грязный рубль на дорожке.
Кошка верила в приметы...

Дворник помер раньше кошки

Ты будешь розой. Засохшей розой
В хрустальной вазе с пробитым низом.
На миг застывши, посмотришь косо,
И будет воздух тобой пронизан.
Случайно где-нибудь на вокзале.
А ты с ребенком? А я с гастритом.
Определим, что порой скучали,
Но очень слабо и как-то скрыто.
А ты когда-то еще боролась
За право мысли и силу звука...

Стихи порой обретают голос,
Но этот голос такая сука.
А, хочешь, буду писать верлибром?
А, хочешь, белым? А, может, прозу?
Пожалуй, глупо, покуда фибры
Парализованы. Помнишь, роза,
Как ты когда-то играла в музу,
А я в поэта. Нам было вздорно,
Нам было... Это не важно. Мусор.
Ты будешь розой. Я буду в черном.

Желтое стихотворение

Остановись, постой у открытой двери,
Вызови лифт, ты знаешь, он едет долго.
Я, как обычно, буду чуть-чуть потерян...
Там, у подъезда, ждет золотая волга.
Там, во дворе, реальность совсем иная –
Странные птицы в пьяном осеннем небе...

Я сигаретой в мягких руках сгораю
И превращаюсь в пепел. Я просто пепел.

Лампа дневного света – замена солнцу,
Белая дверь закрыта (за нею лето),
Переодетый город болеет, – бьется,
Как в лихорадке (правда, таблеток нет).
Вот он пример реального компанейства –
Яркого цвета (может у них желтуха?),
Листья упали и умирают вместе...
Желчная осень.
Страшно.
Тепло.
И сухо.

Письма пиши себе, – получай ответы.
Глупо ты все придумала, идиотка...
Осень уйдет. Когда-нибудь будет лето,
Встретимся после пары стаканов водки.
Жизнь из такси выходит – подай ей руку.
Проще не знать друг друга. Не быть другими...

Ветер пронзает тело, уносит к югу,
И оставляет имя. Я только имя.

Покидая подъезд где темно и который не чистят
Выходя на измученный осенью старенький двор
Не найдя никого ты пинаешь опавшие листья
Переполненный счастьем отравленный радостью
Спор
Двух сезонов уже решено разрешится к полудню
Бабье лето разгонит холодный осенний туман
В очертаниях луж неживые хорошие люди
Дожидаешься вечера тот будет весел и пьян
Как и тысячи до мелочей разработанный план
В очертаниях луж неживые хорошие люди
Выключается свет последствием светится бра
Самый первый трамвай за окном проезжая разбудит
Утром будет туман будто повод дожить до утра.

Ты посмотри моими глазами серыми,
Белая тьма ложится на лужи сказкой.
Город, богатый птицами и размерами
К ночи снимает маску.
Криком вороньим город беду накликает.
Двадцать шагов – бесправие для осечки.
Будет в веках тот, кого счастье дикое
Съело на черной речке.

Здравствуйте, Город. Не спите? Бессонница? Понимаю.
Куриите? Ну а иначе к чему заводские трубы? Я вот по Вас соскучился. Думал, приеду в мае. Чертовы обстоятельства.
Да я не оправдываюсь. Глупо.

Гоголь сказал мне, что вы обманщик первого сорта. Вре-
те, мол, каждым метром основного коллектора. Как я могу
ему верить, когда он старый и мертвый. Когда он не видел
яркости нашего Невского проспекта.

Город, а я встречаюсь с Вашей старшей сестрой. Она
сильная женщина. Это у вас наследственное? Она пахнет
слойками, алкоголем и пустотой. Да и в отношениях у нее
положение откровенно бедственное. Город, смотрите – луна
по проспекту катится. Тоже гуляет, как люди. Красивая.

Вы уже спите? Не переживайте. Я буду Вас навещать по
пятницам. Город, вы только живите. Вы, главное, не утоните...

Снегом покрытый город. Тобою белой
Небо ложится. Нотами по асфальту
Память стреляет. Помнишь, когда-то пела
Грустные песни мягким своим контральто.

Свет фонаря тобой неизменно рыжей
Напоминает, кто в этой книге Мастер,
Кто просто так, с утра прогуляться вышел...
Люди не часто прокляты словом «счастье».

Ветер твоим дыханьем, уже холодным,
С севера дует – жесткий и злой – такой же.
Знаешь, сегодня стало ужасно модно
Думать тобою, жить и, пожалуй, больше.

Раннее утро. Дворники одиноки
Ибо суббота. Солнце идет на вынос...
Ближе уже не будет. И пусть дороги
Тысячекратно множат тебя на минус.

Есть чай со слоном, половина от торта «Полено»,
Стук ложки о стенку стакана и шепоты улиц.
Из чувства стремленья к прекрасному режутся вены.
На кафеле белом вишневой дорожкой...
..... Проснулись.
А хочется плавать уметь и прыжков с парашютом,
Искать постоянно свободные чьи-то пороги.
Не помнить, кем был накануне болезненным утром...

Мы станем сильнее, пройдя по пути безнадёги.
О нас не напишут вообще никакие поэты.
О нас никогда не писали. Но в литературе
Ты хочешь любить? Не давай себе вольности этой.
Ты хочешь покоя? А я помечтаю о буре.

*Все, что уже случилось – не спеши
Забывать. Что не случилось хороня,
Полюбишь каждой ниточкой души
Огромный мир. В котором нет меня.*

Я расскажу тебе сказку о царстве далеком,
Где ритуалы забыты и кладбища тоже.
Может, не будешь сегодня бродить одиноко,
Горем глаза прожигая случайным прохожим.
Я расскажу тебе сказку. Тебя не хватает
На расстоянья, на боль расставаний навечно.
В сказочный мир, как на месяц назад, улетаю,
Ты не сорвешься. Проверено. Сверено. Вечер.
Я расскажу тебе сказку. Закройся! Не слушай!!!
Так не бывает! Не верь, мы с тобою не дети...

Выйди во двор. Посмотри, – отражается в луже
Город без кладбищ. Один на огромной планете.
Я расскажу тебе сказку в преддверии ночи.
Смысл ее, как ботинок, потерт и потаскан.
Слушаешь? Слышишь?
Скучаешь?
Ты справишься!
Хочешь,
Я расскажу тебе самую добрую сказку.

*Позвонишь, по привычке пытаешься молчать,
Я узнаю, и ты не молчи. Не молчи...
Расскажи, как земля превратилась в кровать
И душа в огонек поминальной свечи.*

*Эля, ты стала облаком?
Или ты им не стала?
Борис Рыжий*

Слушай меня ушами, – ты стала небом.
Можешь смотреть на землю и плакать часто.
Все как и раньше. Синий платок из крепа
Скроет тебя от самых земных напастей.
Вечер индустриальный окутай взглядом,
Свой опустевший дом обними руками.
Чтоб не сорваться в горе, *поверить* надо,
Люди порой становятся облаками.
Люди порой собой рассекают крыши.
Разные люди из однородных линий...

Слепой художник небом тебя напишет.
Он двадцать лет рисует одним лишь синим.
Глухой поэт напишет тебя стихами.
Он двадцать лет назад потерял чернила
(украли художник). Ныне в оконной раме –
Слова, пока стекло не совсем остыло...

Мир покорит художник своим портретом,
Если поэт чернила свои отыщет.
Ставшие небом кажутся им при этом
Будто живыми. Только немного выше.

Часы останавливаются, лампы взрываются – такое бывает.
Лежишь – считаешь символы на единицу пространства.
Вспоминаешь сюжеты снов. Зубы от чего выпадают?
От недостатка ума или чаще от бытового пьянства?
Открываешь окна, двери, шкафы, антресоли, ящики.
Вроде, тебе уже крышка. Только где эта чертова крышка?
Да нет. Жить, можно, особенно если кеторол за щеку.
Или чего эффективнее. Главное – гнать не слишком...
И гнить умеренно и желательнее подалеже от дома.
Где при желании как больную собаку тебя усыпят.
И меньше вероятности попасться на глаза знакомым...

Ни о чем не думай по вечерам. Никого не бойся кроме себя.
Ни о чем не думай по вечерам. Никого не бойся кроме себя.
Ни о чем не думай по вечерам. Никого не бойся кроме себя.

Привет, я даже рад в какой-то мере
Что ты взял трубку. Как твои дела?
Ну? Как и прежде крестишься на двери,
Как будто вера в дверь не умерла...
А жизнь идет. От мая и до мая?
С пустым ведром. На колкости щедра.
А жизнь идет. А жизнь... она хромает,
Хотя всегда пыталась от бедра.
Да ладно. Брось ты эти охи-ахи,
Возьми себя... И брось себя в кровать.
Что в перспективе? Снова альманахи,
Как будто кто-то будет их читать.
Что в перспективе? Кабинет в дурдоме:

«Лечу алкоголизм и энурез»?
Но что-то кроме... Нужно что-то кроме.
Ищи короткий путь в страну чудес,
Алису полоумную в невесты.
Кота и домик карточный на съём...
Да... Если сам чужое занял место –
Не жалуйся, что занято твое.
Убить то сможешь? Ничего не сжалось?
За просто так. Положим, кирпичом...
Вот я убил. И что-то поменялось?
Все тот же вечер... Вечер... ни о чем
Не думай. Тоже – встретишь идиота,
Звонишь, а он молчит, как будто нет
Ни языка ни уваженья...

- кто ты?

- Ты! Через двадцать бесполезных лет.

Окончен день. Как это не противно,
Хожу. Пишу. Читаю. Сплю и ем.
Я навсегда останусь перспективным
Врачом... поэтом... и... черт знает кем.

Хочешь, полосы закрасшу?
Будешь рыжей. Очень даже...
Только зебра без тельняшки
Превращается в коняшку.
Тем, кого когда-то... это...
Без ответа и привета...
Юлям, Катям или Дашам
Улыбаемся и машем.
Зебра-зебра... Ты не рада?
Открываю двери я...
Расплатиться как-то надо
За кредит доверия.
У меня другая жизнь
У тебя другая жизнь
За меня ты не держись...
Дер-жись...
Дер-жись...

Самым главным людям нашим
Улыбаемся и машем.

Extro

Уважаемый, я думаю, вам, как почти уже специалисту в кардиологической науке, известно, что такое внезапная коронарная смерть? Это когда сердце в один прекрасный момент останавливается. И все. Поэтому, опасения ваши не столь необоснованны. Однако, подобные случаи редки и вы, думаю, не являетесь человеком особенным, способным предугадать время своей кончины. К сожалению, таблетку от смерти еще не придумали. Да и слава богу, наверное. Так что меньше волнуйтесь, пейте успокоительное, найдите хорошего психотерапевта. Давайте, подскажу Вам пару телефонов. Вот и все. До свидания.

Господи, вокруг одни сумасшедшие какие-то. И что их всех в больницу тянет? Да кто ж свое сердце не слушает? тук... тук...

-шепотом -«Боже, пошли мне еще одну систолу.....»

тук.

III КОМПИЛЯЦИИ

Хвост из пакета

Полуденный город.
Уставшую быть тишину
Далекие звуки приехавшего луна-парка
Пронзают.
И хочется выйти.
И тянет ко сну.
Одна остановка.
Другая.
Не движемся.
Жарко.

Трамвай. Жестокие лучи проходят через стекло и, кажется, делают еще жестче. В середине одноместного ряда сидит женщина. У нее на руках котенок. Маленький, серый. Обычный котенок. Совсем маленький. Сантиметров двадцать в длину, если не считать хвоста. Сидит очень тихо. Почему-то завернут в полиэтиленовый пакет, – только мордочка пушистая торчит. Она гладит зверя по голове.

У кошек, наверное, тоже
бывают мечты
Конечно, бывают.
Мечты и сомнения тоже.
Случится.
Посмотришь в глаза, –

понимаешь почти...
Зачем понимание,
если помочь
не можешь?

Котенок высунул язык и пытается надышаться. Заерзал. Она гладит. Руки у нее старые, в морщинах все, желтые. Трудлюбивые руки. Она гладит как будто не живого котенка, а куклу. Он ерзает. Она гладит его интенсивнее. Сильные руки доставляют маленькому зверю больше неприятностей. Слабая голова мотается в руках хозяйки как на шарнирах. Он пытается вырваться. Видимо она потянула кожу очень сильно и порвала кожу у левого глаза. Может, ногтем поддела. Рана сантиметра два в форме полулуния и из нее сочится кровь. Он ерзает сильнее. И плачет. Женщина в растерянности. Она не знает, что делать. Поэтому не подает вида, что что-либо произошло.

Интересные такие животные
Люди
Возомнили о себе, будто много
Могут
Дай возможность – за право на жизнь
Осудят.
Ошибутся, как всегда – будут бить
Тревогу.

- Женщина, да что же вы делаете?
- Ничего. Все у нас нормально – как бы сквозь зубы.
- Какой, нормально? Он же кровью истекает!

- Какая кровь? Нет никакой крови, – котенок кричит, она давит ему горло краем пакета. Заметно, что она не хочет ему зла. Просто не умеет обращаться с кошками. Хочет, чтобы он не дергался, поэтому сжимает его. Не понимает, что душит

- Женщина. Прекратите сейчас же. Вы же его задушите.

- Ничего. Все у нас будет хорошо. Все хорошо.

- Нет. Ну не умеешь, старая сука, с животиной обращаться – хрен ли берешь? Еще и в транспорте возишь.

- Все у нас хорошо,. – Колени в крови. Она засунула его голову в пакет. Он опять высовывает окровавленную мордочку. Она большим пальцем засовывает обратно. Он поменял положение и пятится назад. Торчит хвост. Женщина завернула котенка в пакет. Видно, как по внутренней поверхности течет кровь.

- Да что же ты делаешь?

- Хорошо. Все у нас хорошо.

Был мультфильм,
где кот всех призывал к дружбе.
А еще,
где собаки не попадали в ад.
Тот,
кому понимание зверя чуждо
Или тот,
кто вжался в сиденье
виноват?

Котенок, зажатый окровавленным мешком успокоился. Резко Это заметили все. И женщина. И пассажиры. Они

что-то кричали. Ей было все равно. Она держала на руках молчащий и недвижимый сверток с нелепо торчащим хвостом и даже не пыталась его развернуть. Со словами «Все у нас будет хорошо. А вот и наша остановка, пойдём...» она вышла. На желтом лице были замечены слезы.

Уйти. Убежать. Куда? Приходится
Выходить. Делать вид, что легко. Улыбаться.
Ложиться спать. Выгонять бессонницу...
Так хочется верить в реинкарнацию.

Вместо заключения

Как всегда открыл дверь. Оба кота, изгоняя из своего тела милые мне звуки, размахивая хвостами, гордо выходят встречать. Как хорошо, что у меня они есть. Я никому не дам их в обиду. НИ-КО-МУ. Но я же не виноват. Что я мог сделать?

Сумка с конфетами

Такие помнят все вкусы снега.
Такое детство – болотный ил.
Классифицируя человека
Классификатор про них забыл.

- Мама, а почему в трамвае горит свет, день же?
- Не знаю. Электричества не жалко, вот и горит.
- А если в трамвае свет выключат, все равно нам светло будет?
- Будет, конечно.
- А вот если солнышко сядет, а в трамвае свет будет го-

реть, на улице будет светло? Трамвай же сможет сделать так, чтобы людям светло было?

- Не сможет.

- А что будет, если и в трамвае свет погаснет и солнышко сядет? Мы все умрем?

- Заткнись уже, придурок. Вопросы у тебя большие какие-то...

Максим, 5 лет.

Постучаться может в двери любая беда

И для каждого найдется место в дурке.

Но об маленьких детей

Ни за что

Никогда

Нельзя

Тушить

Окурки

- Диана, а когда скорую вызвали, что у тебя случилось?

- Не знаю. У меня шея вся вздулась. Вот так, как мячик. И больно было. И дышать было трудно. Но я не помню, я потом сознание потеряла.

- И кто тебя сюда привез?

- Ну, врачи со мной ехали и тетя Света – это соседка наша.

- А вот после операции ты еще месяц в реанимации лежала, потом еще месяц в отделении. Тебя мама навещала?

- Нет, но она обязательно придет. Завтра.

- А вот у тебя расчесы на животе какие-то. Ты почему чешешься?

- А меня как сюда привезли, я же не мылась. И белье мне не меняют. Вот мама приедет – помоет.

- Диана, а ты еще чем-нибудь болеешь?
- Да. У меня хронический аутоиммунный гепатит, цирроз печени. Я пью преднизолон по 5 таблеток в день и буду пить их всю жизнь, пока не умру.

Диана. 3,5 года

Время на коже свернется складками,
Совість задушит веревкой дней.
В очередь! В очередь! – люди с матками
Вместо бутылок сдают детей.

- Здравствуй, Андрей.
 - Здравствуй... Андрей.
 - Ты как себя чувствуешь?
 - Чувствуешь... Чувствуешь... Ты мне шоколадку принес?
 - Принесу шоколадку. Потом. Пока давай побеседуем.
- Смотри, сколько в аудитории людей. И все в белых халатах. Кто они? Если в белых халатах?
- Халатах... Белых халатах... Ты мне шоколадку принес?
 - Нет, потом принесу
 - Обещаешь?
 - Обещаю. Ну так кто же эти люди? Посмотри вот, например, какая девочка красивая в халате сидит. Кто она?
 - Девочка... Красивая... Ты мне шоколадку принесла?
 - Нет, у нее нет для тебя шоколадки. Я же тебе потом дам.
 - А что у нее в сумке? Конфеты? Дай мне конфеты... Ты мне шоколадку принесла?

Андрей, 16 лет.

Пока лицо не покосил оскал -
Тугой петлей затянута скакалка

Поскольку своего не доскакал -
Отдайте детям детство.
Или жалко?

Все они чьи-то бабушки...

Своей души променяй пустоты
На белый флаг из куска халата
А силы нет полюбить кого-то
Иди, работай, махай лопатой

Желудочный зонд – это трубка, диаметром около 15 мм.
Мочевой катетер – трубка, диаметром не более 5 мм. Нель-
зя их перепутать. Если их перепутать, то ничего, конечно,
смертельно-опасного не случится. Но потом, при обработке
трупа почему-то становится очень обидно и больно.

Для чего ты построил огромные страшные города?
Потеряешь палку-копалку – и вот ты почти калека.
Человек, Посмотри на орудие своего труда.
Ты сохраняешь за собой право называться человеком?

Консилиум – это не всегда коллектив врачей, запершихся
с больным в комнате, обсуждающих проблему конкретного
сложного пациента. Порой консилиум – это когда старенький
профессор срываясь на крик, убеждает пожилую пациентку,
около 80 лет, в необходимости ампутации нижней конечности.

- Может быть, не надо? Я же чувствую ногу... Она жи-
вая еще.

- Она мертвая. МЕР-ТВА-Я!!! МЕРТВАЯ! Вы не выжи-
вите, если ее не ампутировать.

- Но как же? Вот вы ее трогайте, я чувствую.... Как я без ноги то буду – плачет пациентка.

- МЕР-ТВА-Я!

А что, может, действительно, живая? Пусть хотя бы оставшиеся пять или шесть дней, но живая...

Легко судьбу на коже рукой чертить
По каким-то правилам? Кто принимал законы?
Граница между «жить» и «не жить»
Не может являться демаркационной зоной.

- А чего ты в секционный зал не заходишь?

- Я не пойду туда.

- Почему? Тебе должно быть интересно...

- Что вы говорите? Там же моя бабушка!

- Да ладно тебе, все они здесь чьи-то бабушки.

Человечная слабость ушла в клише –
Секционным ножом по чужой душе.
Если кто умирает, – рождаются двое –
Здоровое равнодушие и больное...

ОТЗЫВЫ

«В каком измерении существует поэт Марат Багаутдинов? Вот первый вопрос, который задаешь при прочтении его стихов. Всматриваешься, вчитываешься, вслушиваешься в них и понимаешь, что Марат – инопланетянин... Читая стихи я порой теряюсь в догадках: Что? Где? Когда?. Не о безвременье в смысле несовременности речи. Как раз с чувством времени у автора, как современного интеллектуала, склонного к рефлексии, все в порядке – оно утрачено... Очень просто заподозрить Марата в слепом следовании теории Бодрийера, согласно которой только симуляция транслирует реальность... Однако, есть в стихах нечто такое, что опровергает внешнюю, прямоугольную логику интерпретатора и отменяет его ведущую роль в интерпретировании текста. Автор жив! (вопреки тезису постмодернистов о «смерти автора»). Более того, автор, безусловно, талантлив и подспудно человечен»

Седых Галина Ивановна, г. Москва, к.ф.н., доцент Литературного института им. А.М. Горького, Руководитель семинара поэзии, г. Москва. // Литературная учеба – 2007, №1, стр. 52-54

«Обычно лирик - это тот, кто говорит от себя и за себя. Марат Багаутдинов идет другим путем. В его стихах различимы многие голоса и судьбы. В этом отношении он ориентируется на опыт У.Уитмена и раннего В. Маяковского. Заметен интерес автора к драматическому видению мира, к «страшным» темам, сюжетам и образам... Но пугающие подробности - не самоцель. Марат неравнодушен к чужой

боли. А для творческого человека это драгоценное качество. Без сомнения, он сохранит живой интерес к окружающему миру - у него это качество врожденное»

Артем Скворцов, г. Казань, литературный критик, д.ф.н. Лауреат премий «Эврика» (2008 год) и «Anthologia» журнала «Новый мир» (2011 год); Ирина Ермакова, г. Москва, русский поэт, переводчик, член русского ПЭН-центра, лауреат премий «Московский счет» и «Anthologia» журнала «Новый мир» (2007 год), журналов «Арион» и «Октябрь» // Сборник «Новые писатели» М.: ПРОЗАиК, 2010. - стр. 285.

«Мои любимцы... один из лучших треков во всем массиве из восьми городов – это ансамбль под названием «Обманы Зрения» (прим. тексты Марата Багаутдинова). Это нечто такое, похожего, я, пожалуй, что никогда не слышал. Такой театр у микрофона. Дуэт кошки и дворника – все очень поэтично, очень трогательно, довольно умно. Определить жанр невозможно категорически»

Артемий Троицкий, г. Москва, рок-журналист, музыкальный критик. Отзыв в рамках конкурса «Музыка нашего города», 2010 год.

«Стихотворения ижевского поэта Марата Багаутдинова отличаются необыкновенной проникновенностью. Поэт, по своему собственному заверению, «слышит биение своего сердца», живет «во время систолы». Представленная в журнал подборка из цикла «Удары» – это альянс прозы и поэзии, где поэзия тяготеет к прозаическому построению, в ней прозы, разума – щедрая толика, а проза, наоборот – необычно-

венно поэтична. Прозаические отступления – междустишья – требуют зарифмовки, требуют поэтического построения в строфы: «Здравствуйте, Город. Не спите? Бессонница? Понимаю. Курите? Ну а иначе к чему заводские трубы? Я вот по Вас соскучился. Думал, приеду в мае. Чертовы обстоятельства. Да я не оправдываюсь. Глупо». Это исключительно поэтический ритм, поэзия, с определенной целью и задачей мимикрирующая под прозу. В то же самое время многие стихотворения, наоборот, требуют внимания прозаического, чтения без привычной стихотворной ритмики. Поэт Марат Багаутдинов чувственен и чувствителен. Мне вдруг пришло в голову, что две его профессии - как нельзя более годные для того, чтобы убить или, во всяком случае, исковеркать в поэте поэта, – не нанесли ему ни малейшего ущерба. В его стихах нет ни на йоту цинизма и равнодушия»

Александр Фуфлыгин, г. Пермь. Писатель, критик, член Союза писателей России, лауреат литературной премии им. А.Ф. Мерзлякова, лауреат Первого Форума молодых писателей ПФО // «Луч» - 2007, №1-2, стр. 33-34.

«Легко писать о том, что внове и совсем понятно, забудется как очередной предмет рецензии. А вот о стихах Марата Багаутдинова мне сложно писать. Они ведь никуда не денутся. Это случается оттого, что его страх - совпадает с моим. Биологический ужас небытия. Впрочем, я не о количестве трупов. И даже не о количестве стихов. Мало быть циничным доктором и харизматичным молодым мужчиной. Меня интересует Харон. Тот санитар в морге, или, может быть, кошка дворника - заместитель ангела-хранителя. Или собеседник, звонящий из будущего - ты - через двадцать лет. Может и совсем я дурачи-

на, да только и меня бережёт этот Харон-хранитель, не знаю почему. У него ещё иногда странное такое свойство, у этого Харона: везёт, везёт на тот берег, а потом говорит принимающей стороне: «А может, меня лучше возьмёте, а этот пускай плывёт назад, я ему весло дам». Ну, те-то, конечно, не соглашаются»

Анатолий Ухандеев, г. Набережные Челны, поэт, главный редактор и руководитель творческого клуба «Чёрный вторник», организатор ежегодных литературных фестивалей // 2009.

«Стук чужого сердца не всегда резонансом откликается в твоём, может, «чей-то муж, чей-то друг» – это слишком абстрактно? Но цикл Марата Багаутдинова «Удары» стал для меня открытием, даже несмотря на то, что его заключительный фрагмент был прислан на конкурс. История человеческого сердца сложилась из фрагментов в единую картину и стала не просто волнующей, зримой и осязаемой: это, наверное, и моя история»

Ирина Аргутина, г. Челябинск, поэт, член Союза писателей России, лауреат международного литературного конкурса «Пушкинская лира», председатель жюри литературного конкурса «Взлет» // Альманах «45-параллель» №15 (40) 01.06.07.

Содержание

Диагностическая поэтика Марата Багаутдинова.....	3
Intro.....	6
I ДИАСТОЛА.....	7
«Не покупай своим детям кукол с большими глазами –...».....	7
«В терпеливую землицу-броню...».....	9
«Дети, дети, не бейте кошку...».....	10
«Мальчик вырос...».....	11
«Никого счастливее мишки кажется машеньке он мил...».....	13
«Новый день приносит неудачу...».....	17
«Мальчик бежит за троллейбусом незадача...».....	19
«В доме из горького черного шоколада...».....	21
Канатоходец.....	22
«Тук-тук...».....	25
«на заброшенном теле заводятся шрамы...».....	27
«Зачем отбираешь грубо так оголтело...».....	27
«закрывал глаза и на три два раз...».....	28
Смейся, Господи.....	29
«А сегодня у нас выпал снег (да пора уж – ноябрь)...».....	35
«Люди мерзнут не от холода...».....	36
«Капот машины страшной змеей украшен...».....	37
«Господи, счастья то сколько!!! Господи, сколько счастья...».....	38
«Соседка по купе пропахла дошираком...».....	39
«Новости часа...».....	40
«Мыслей – в карат...».....	40
«Девочка, девушка, мать, одинокая женщина...».....	41
«А жизнь прошла. За ней пришла другая...».....	42
«Когда умирают кони – дышат...».....	44
«Кривясь объективом...».....	44
«Впереди невиданные выси...».....	45
II СИСТОЛА.....	46
«На кухне чайник. Кипит? Кипит...».....	46
«Воняет мандаринами на кухне...».....	47

«Опять повезло – окатило из лужи –..».....	48
«Скучаем, время не торопя,..».....	50
«Я по всем параметрам хуже. Порочный круг...».....	50
«Я разменивал дни на таблетки и сны,..».....	51
«Печальным ежиком в тумане...».....	52
«Вот сейчас, один миг. Запечочка...».....	53
«Я водяры стопарик грохну,..».....	54
«Они уходят иногда, Поскольку худо...».....	55
«Граждане спят, будто их нет,..».....	56
«Солнце, грустное на ошупь,..».....	58
«Я словно хрен, созревший в огороде,..».....	60
«Королева пьяна. Попросите каретного...».....	61
«... Я хотел бы, чтоб мама была кандидатом наук...».....	62
«Шел я один, а навстречу – эмо...».....	63
«- Здравствуй, кошка, - Здравствуй, дворник...».....	64
«Ты будешь розой. Засохшей розой...».....	66
Желтое стихотворение.....	67
«Покидая подъезд где темно и который не чистят...».....	68
«Ты посмотри моими глазами серыми,..».....	69
«Снегом покрытый город. Тобою белой...».....	70
«Есть чай со слоном, половина от торта «Полено»,..».....	71
«Все, что уже случилось – не спеши...».....	71
«Я расскажу тебе сказку о царстве далеко,..».....	72
«Позвонишь, по привычке пытаюсь молчать,..».....	72
«Слушай меня ушами, – ты стала небом...».....	73
«Часы останавливаются, лампы взрываются – такое бывает...».....	74
«Хочешь, полосы закрасу?..».....	76
Extro	77
III КОМПИЛЯЦИИ	78
Вместо заключения	81
ОТЗЫВЫ	86

Марат Багаутдинов

Удары

*Составители – М.В. Серова,
А.И. Полянцева, А.А. Коноплева.*

Иллюстрации – Ольга Абашева.

Фотография – Анастасия Ширяева.

Компьютерная верстка, дизайн – С.С. Королева.

Технический редактор – П.С. Пермякова.

Подписано в печать ноябрь 2016.

Печать цифровая. Бумага писчая.

Гарнитура «Times New Roman». Усл.печ.л 5,35.

Заказ №129. Тираж 100 экз.

Издательство «Шелест»

426060, УР, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164

Тел.: +7 (904) 317 76 93 E-mail: shelest.izd@yandex.ru

Отпечатано: ИПЦ «Малотиражка» г. Ижевск

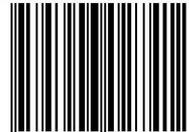
malotirazhka@mail.ru

Марат Багаутдинов. Родился в 1984 году в Ижевске. Окончил Ижевскую государственную медицинскую академию (2007) и аспирантуру на кафедре патологической физиологии (2011). Учился в Литературном институте им А.М. Горького (2004-2005, семинар поэзии Г.И. Седых) и Институте экономики и управления Удмуртского государственного университета (2012-2013). Живет в Ижевске, работает врачом-психиатром.

Первая публикация состоялась в литературном журнале «Луч» (Ижевск) в 2004 году. Входил в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» в 2004, 2009 и 2012 годах. Входил также в шорт-лист премии им. В.П. Астафьева в номинации «поэзия» (2005), в лонг-лист премии им. Б. Соколова (2005), в лонг-лист премии «ЛитератураРентген» (2009). Победитель литературного конкурса журнала «Дружба народов» «HeСпам» (2009), участник форумов молодых писателей России в Липках (2004-2009), победитель сетевых конкурсов «Взлет» (Альманах «45 параллель», 2007), «Бекар» (2007). Публиковался в журналах «Арион», «Литературная учеба», «День и ночь», «НГ – Ex-libris», «Пролог», «Аквилон», «Literarus» (Хельсинки, Финляндия), сборниках и альманахах. Автор текстов для музыкального проекта «Обманы Зрения».

ISBN 978-5-906027-41-2

9 785906 027412 >